

Этот обычай сохранился и в эпоху Великой И. Бедные даосы, такие как они, часто влюблялись в своих братьев по учению, а иногда даже возникали романы между наставниками и учениками. Как же Чжэнь Цюнь мог не быть чувствительным к этому? Просто он не ожидал столкнуться с «содержанием», что поставило его в неловкое положение.

Украдкой взглянув на лицо, полное заботы, Чжэнь Цюнь вздохнул в душе. Этот господин Хань действительно был тем типом мужчины, который нравится другим мужчинам. Красивый, высокий, с широкими плечами, да еще и богатый...

Увидев, как Чжэнь Цюнь смотрит на него с влажными глазами, Хань Мяо почувствовал мягкость в сердце и извинился:

— Это моя небрежность, брат, прости, что ты пострадал.

Этот негодяй из третьей ветви действительно не мог держать язык за зубами. Если бы он напал только на него, Хань Мяо мог бы легко ответить, но когда дело касалось Чжэнь Цюня, он не мог просто отпустить это. Он привел его с горы, и теперь должен был защищать!

Однако, несмотря на гнев в сердце, Хань Мяо увидел, как маленький даос, похожий на олененка, широко раскрыл глаза и быстро замотал головой:

— Нет, не пострадал!

Он хотел подтвердить отношения, чтобы ему не было обидно? Не нужно торопиться! Постельные дела могут подождать, он не против!

Хань Мяо промолчал.

Хотя он не знал, о чем думал собеседник, но по его виду можно было понять, что это было что-то неожиданное. На губах появилась легкая улыбка, и Хань Мяо не стал уточнять, что это значило, просто кивнул:

— Хорошо. Кукольный спектакль скоро закончится, пойдем в трактир поесть?

В этот момент на сцене началась особенно трогательная сцена. Столик в театре был небольшим, и Хань Мяо все еще держал руку на спине Чжэнь Цюня. Их колени соприкасались, одежда смешивалась, и слова звучали как шепот в ухо.

Чжэнь Цюнь покраснел до ушей и заикался:

— Не-не надо. Пойдем домой, поедем, а потом... можно печку разжечь...

Его слова были несвязными, а сам он вертелся на стуле, как будто под ним были иголки, и шея покраснела. Что с ним? Стыд от того, что его называли «мальчиком для утех»? Или он случайно увидел конфликт с главной ветвью и теперь чувствовал неловкость за него?

Хань Мяо с легкой улыбкой покачал головой:

— Тогда пойдем домой.

Квартал развлечений можно посетить в другой раз, а с третьей ветвью пора разобраться. Повернувшись, его глаза потемнели, но лишь на мгновение. Затем он снова взял Чжэнь Цюня за руку и медленно спустился вниз.

□

Вернувшись домой, Хань Ляньцянь три дня копил смелость, прежде чем рассказать отцу о произошедшем. Конечно, он не стал говорить всю правду, лишь упомянул, что у него был конфликт с Хань Мяо, и тот его оскорбил.

Услышав это, Хань Линь, который уже был раздражен из-за сбора сахара, разозлился:

— Я же говорил тебе сосредоточиться на учебе! Зачем ты пошел в квартал развлечений? И еще связался с этим ничтожеством из Западной ветви Хань!

Хань Ляньцянь содрогнулся. Именно из-за страха перед отцом он не решался рассказывать об этом. Однако, наблюдая последние дни, он начал подозревать, что с чайным домом что-то не так, и решился сказать:

— Он вел себя высокомерно, и я не смог сдержаться. Но он сказал, что чайный дом в наших руках обязательно разорится...

По сравнению с язвительностью Хань Мяо, эти слова звучали мягко, но Хань Линь все равно взорвался:

— Он действительно так сказал?

Хань Ляньцянь собрался с духом и кивнул:

— И еще сказал, что поможет тебе меня наказать.

— Наглец!

Хань Линь закричал:

— Откуда у него такая смелость...

В этот момент слуга быстро вошел и что-то шепнул ему на ухо. Услышав это, Хань Линь замер, а затем резко посмотрел на Хань Ляньцяня, сжимая зубы:

— Ты брал деньги из кассы чайного дома?

— Что?

Хань Ляньцянь растерялся. О чем речь? Они же только что говорили о Хань Мяо! Но, не смея игнорировать вопрос отца, он пробормотал:

— Да, немного, всего десять гуань...

Десять гуань для чайного дома — это пустяк. Он же учится в уездной школе, и ему нужно было пировать с одноклассниками, без денег это было бы неудобно...

Но Хань Линь не успокоился из-за суммы, его лицо стало еще мрачнее:

— Если тебе нужны деньги, почему ты не попросил у матери?

Мать сама сказала ему взять деньги из кассы! Но Хань Ляньцянь был достаточно умен, чтобы не упоминать это, и просто сказал:

— Я был неправ, больше так не буду...

— Неправ?

Хань Линь буквально выдохнул это слово:

— Кто-то из клана узнал об этом и обвинил третью ветвь в расточительстве и злоупотреблении клановым имуществом. Теперь собирают храм предков, чтобы судить меня. Разве слово «неправ» поможет?!

Хань Ляньцзянь словно был поражен молнией и с грохотом упал на колени:

— Отец! Я не хотел этого! В доме ведь все пользуются деньгами чайного дома. Я просто не подумал... Да это точно Хань Мяо подстроил!

Когда Хань Мяо говорил, что поможет отцу его наказать, он имел в виду это? Как он мог быть таким глупым, чтобы связываться с этим злодеем!

Но чем больше он говорил о Хань Мяо, тем злее становился Хань Линь, и он пнул сына!

— Если знал, что он коварен, почему сразу не сказал мне? Теперь уже поздно!

Он продолжал пинать и ругать, пока Хань Ляньцзянь не начал кричать и звать мать. Вскоре появились жена и мать, и все начали плакать и кричать. Хань Линь дрожал от гнева, голова раскалывалась, но он ничего не мог сделать. На следующий день он взял старшего сына и отправился в храм предков.

Собрание в храме предков было серьезным делом. Придя, Хань Линь увидел, что присутствовали не только старейшины, но и представители всех ветвей. Дяди и братья сидели на своих местах, смотря на него с усмешками, от чего ему хотелось спрятаться.

Сжав зубы, Хань Линь поклонился всем. Второй дядя, сидевший на почетном месте, не был так терпелив и ударил по столу:

— Седьмой племянник, как ты управляешь чайным домом? Даже деньги на пирушки сына берешь оттуда! Неужели ты считаешь чайный дом своей личной собственностью?

Сразу такая серьезная обвинительная речь заставила Хань Линя нервничать, но он сохранял смирение:

— Это моя вина, я плохо воспитывал сына. Негодяя уже наказали, и деньги вернут в кассу...

— Вернут?

Кто-то усмехнулся:

— Как? Неужели ты нашел покупателя на осенний чай?

Если даже десять гуань смогли отследить, то о проблемах с осенним чаем знали все. Хань Линь сжал зубы, но твердо сказал:

— Я уже нашел покупателя, третий дядя, можете не беспокоиться!

— Неужели это господин Ван?

Усмехнулся собеседник:

— Да, после стольких подарков он должен был сделать тебе одолжение.

Это вторая ветвь хочет его уничтожить? Почувствовав опасность, Хань Линь забыл о гордости и сразу сказал:

— В этом году я только начал управлять чайным домом, и все было сложно. К тому же Западная ветвь Хань вмешалась, привлекая чужаков, чтобы вытеснить наш чай из Цзянь, поэтому осенний чай не продается. Я просто хотел сохранить чайный дом и не дать этим предателям разрушить клановое имущество. Третий дядя, ваши слова ранят меня...

Эти оправдания не помогли, а лишь заставили третьего дядю рассмеяться:

— Ха! Неужели маленькая Западная ветвь Хань может разрушить чайный дом семьи Хань? Седьмой племянник, твои слова просто великолепны. Неужели ты хуже молодого человека, не достигшего совершеннолетия? Тогда зачем передавать чайный дом третьей ветви?

Лицо Хань Линя то краснело, то бледнело, но он не мог найти ответа. В этот момент раздался более молодой голос:

— Кто сказал, что седьмой брат враждует с Западной ветвью Хань? Я слышал, что он даже взял деньги из кассы чайного дома, чтобы купить их новый сахар. Может, он слишком близок с ними, чтобы отблагодарить за уступки?

— Двенадцатый брат, что ты говоришь!

Хань Линь не мог допустить такого обвинения и сразу возразил:

— Продажа сахара — это уловка Хань Мяо, чтобы продвигать его чай из Юэ. Я купил сахар, чтобы заставить его потерять деньги...

— Но его сахар уже продается в Восточной столице, и чем больше ты покупаешь, тем больше он зарабатывает, верно?

Хладнокровно ответил собеседник.

Что? «Застывший лед» и «Белый иней» уже продаются в Восточной столице? Как он об этом не знал? Подождите, он же поручил закупку сахара слугам. Как шестая ветвь могла узнать об этом?

<http://bllate.org/book/16827/1547248>